

второго звонка все актеры обязаны были подготовиться к выходу на сцену. Если в спектакле играла Ермолова, она первой приходила к выходу. Я знала, что здесь можно увидеть ее, с благоговением здоровалась с Марией Николаевной, хоть знала — она не ответит, ибо уже «живет» в образе, в предстоящем спектакле.

А какое блистательное, гениальное, удивительное трио в «Стакане воды» Скриба составляли Южин (Болинброк), Ермолова (королева Анна) и Лешковская (герцогиня Мальборо)! Много лет спустя в Малом театре шел спектакль «Стакан воды», в котором герцогиню Мальборо играла и я...

Была в жизни моей незабываемая радость и счастье — быть занятой в одном с Марией Николаевной спектакле — в пьесе «Холопы» П. Гнедича.

В день 50-летия сценической деятельности М. Н. Ермоловой, в мае 1920 года, состоялся торжественный вечер. Зал Малого театра заполнили поклонники таланта Ермоловой. Среди зрителей, пришедших чествовать великую русскую актрису, был Владимир Ильич Ленин, по

шу, отдать сердце. Однако ее ждет горькое разочарование — она не может жить в пошлом, обывательском мире варваров... Трудно было приступить к Надежде.

Тогда я пошла к Марии Федоровне Андреевой, которая в те годы возглавляла Дом ученых, и спросила ее:

— Мария Федоровна, скажите, какой задумал Алексей Максимович Монахову? Какой он ее видел?

Андреева не ответила на мой вопрос прямо. Она вспоминала дни, когда Горький диктовал ей «Варваров», говорила медленно, задумчиво, преображалась, уходя в далекие счастливые дни.

Во время беседы я пристально смотрела на Марию Федоровну, в ее глаза, в ее одухотворенное тонкое лицо и вдруг поняла: вот она — моя Надежда!

Мы говорили не только о пьесе, о моей роли. Мария Федоровна вспоминала о далекой первой встрече с Горьким, о замыслах, которыми писатель делился с нею. Она оказала мне бесценную помощь в работе над ролью. Так открылась для меня дорога к положительным образам наших современниц. Среди них актриса Горелова («За тех, кто в море!» Б. Лавренева), врач Лаврова («Великая сила»

Мастера искусств о себе

НА СЦЕНЕ

И ЗА КУЛИСАМИ

В ПЕРВЫЕ я вышла на подмостки шестилетней. Это произошло в Казани, где моя мать — провинциальная актриса — играла в местной антрепризе. Тогда актеры часто переезжали, меняли города, драматические труппы. Мать возила меня за собой — в Саратов, в Самару, мало ли еще куда... Менялись театры, города, люди. В этом калейдоскопе детства я запомнила имя Н. И. Соболевича-Самарина, режиссера и артиста, талант которого высоко ценила моя мать.

Итак, я дебютировала, играла мальчиков и девочек... Но надо было серьезно учиться. Мы с матерью приехали в Москву, и я поступила в Александро-Мариинский институт. Что и говорить, мне грезились быть актрисой. Мать мечтала, что я войду в Малый театр. Именно в Малый, ни в какой иной. Как многие мамы, она считала меня «гениальной» и решила привнести свою теперь уже шестнадцатилетнюю дочь к самому Александру Ивановичу Южину. Читала я пролог из «Орлеанской девы». Трепетно ждала приговора.

Улыбнувшись, Южин приветливо сказал:

— Идите учиться в музыкально-драматическое училище Московской филармонии. Там преподают артисты Малого театра, вы будете близки к нам...

Так по совету А. И. Южина я поступила на драматическое отделение Московской филармонии в класс артиста Малого театра Ивана Андреевича Рыжова.

Прошло два года. Однажды в училище прошел слух: руководители Малого и Художественного театров собираются прийти в филармонию — знакомиться со студентами. Как я волновалась, когда увидела входящих в актовое зал Южина, Садовского, Яблочкину, Остужева, Правдина, а за ними — Станиславского, Книппер, Немировича... Меня будут слушать корифеи русской сцены! Голова кружилась. Не помню, как я играла в сценах из спектаклей с названиями «Обнаженная» и «Ренессанс»... Прошло несколько дней. Встретив своего педагога Ивана Андреевича Рыжова, я узнала от него, что меня намерены пригласить в Художественный театр.

Конечно, это было лестно, но детская мечта стать актрисой Малого не покидала...

Летом 1918 года со второго курса филармонического училища я все же была принята в труппу старейшего русского театра. В первый же сезон, в

октябре 1918 года, дебютировала ролью Джессики в шекспировском «Венецианском купце». В этом спектакле я, актриса восемнадцати лет, играла рядом с мастерами — Правдиным, Южиным, Остужевым, Пашенной. Суровый восемнадцатый год, мой и нашего века, он был светел, счастливым для меня. Той осенью состоялась незабываемая встреча коллектива Малого театра с Алексеем Максимовичем Горьким.

До революции пьесы Горького были запрещены к постановке в императорских театрах. Тем более радостно встретили мы весть, что Алексей Максимович хочет прочитать в Малом свою пьесу «Старик».

В зале было холодно. Алексей Максимович появился в накинутах на плечи пальто, положил на стол рукопись, сел и начал читать неторопливо, глуховатым голосом, но очень выразительно. После чтения все его обступили, посыпались вопросы. Горький охотно отвечал, терпеливо, подробно объяснял все, что казалось непонятным.

И вот первое января 1919 года — день премьеры «Старика». Участвуют П. Садовский (Мастаков), С. Головин (Старик), О. Садовская (Захаровна), Е. Найденова (Софья Марковна), Н. Яковлев (Харитонов), Н. Костромская (Степаныч), В. Пашенная (Девича). Мне поручили роль Татьяны — падчерицы Мастакова.

Премьера — всегда экзамен и праздник. Но эта... А тут еще за кулисы примчался служащий театра и сообщил, что на спектакль неожиданно приехали Владимир Ильич Ленин с Надеждой Константиновной Крупской. Владимир Ильичу спектакль понравился. Мы ликovali...

Я застала в Малом театре целое созвездие великолепнейших артистов. Душевно, по-матерински встретили меня Мария Николаевна Ермолова, Елена Константиновна Лешковская, Ольга Осиповна Садовская. Мудрый совет, доброе слово, сердечная ласка — да от кого! Как это помогало, какие вселили надежды!

Марию Николаевну Ермолову всегда я видела простой, собранной, величественно статной, с вдохновенным лицом. Она была кумиром Москвы, «пророком» в своем отечестве — Малом театре.

В те времена радиосвязи в театрах еще не было. После

Елена ГОГОЛЕВА,

народная артистка СССР

инициативе которого М. Н. Ермолова была удостоена высокого звания народной артистки республики.

В юбилейный вечер Мария Николаевна играла Марию Стюарт, третий акт. Ермолова вышла на сцену, и Владимир Ильич первым поднялся с места, за ним встал весь зал, бурно приветствуя любимую актрису. На мою долю выпала высокая честь выступить в этом же вечере. В третьем акте «Горя от ума» я с волнением играла Софью.

...В тяжелые годы гражданской войны артисты Малого театра выступали в нетопленных школах, в клубах фабрик и заводов, где стояли небольшие железные печурки. Нередко от холода еле удавалось разогреть замерзший грим. Мария Николаевна принимала участие в таких выездных спектаклях Малого театра в районах — играла в пьесах А. Н. Островского. Ее мастерство было столь же филигранно, как всегда. После спектакля Ермолова говорила нам: «Для такого зрителя стоит играть!»

Важнейшим событием в жизни Малого театра первых советских лет явилась пьеса К. А. Тренева «Любовь Яровая», поставленная в 1926 году. Когда Константин Андреевич Тренев принес в театр свою пьесу, мы, актеры, радостно почувствовали, что обрели в ней новых героев нашей революционной современности. Вера Пашенная, Пров Садовский, Степан Кузнецов создали в этом спектакле свои шедевры. Мне выпала трудная задача — сыграть Панову, злобного врага Советской власти.

Пьеса сохранялась в репертуаре Малого много лет, и с той поры... мне поручали роли только отрицательных персонажей. Не скрою: это долго мучило меня. Наконец, накануне войны, в 1941 году мне предложили роль Надежды Монаховой в горьковских «Варварах». Надежда — замечательно чистый, романтический характер, она ненавидит мешанскую пошлость своего окружения, ждет человека, которому бы могла открыть ду-

Б. Ромашова), секретарь районного комитета партии Ползова («Московский характер» А. Софронова) и другие.

Идут десятилетия, меняются спектакли, роли. Но всякий раз, приступая к новой задаче, я вспоминаю тех, кто осветил и возвысил мою творческую молодость. Стараясь представить их в зале во время премьеры, за кулисами, где ждет выхода великая и вдохновенная Ермолова, волнуется дивная Лешковская, где медленно, тихо ходит удивительно тонкий, умный художник Южин, где замер в страданиях Отелло блистательный, неповторимый Остужев...

Многолетний актерский опыт, встречи с людьми творчески обогащают искусство. Самое значительное место в моей общественной биографии занимает хорошо мне знакомая и близкая военно-шефская работа, которой я отдала тридцать лет жизни как председатель Центральной комиссии по культурному шефству над Вооруженными Силами СССР. В дни Великой Отечественной войны в составе бригады артистов Малого театра я выезжала на линию фронта. Фронтовой филармонией Малого театра прошел дорогами войны путь от Волхова до Берлина... Дружба с воинами, закаленная в боях, продолжается и ныне. И я не знаю, кому она более важна — той моей аудитории, которую нахожу, приезжая в чужие и соединения, или мне самой.

В 1958-м я поехала на целину. Колхоз Ново-Нежинка, маленькая изба-клуб. Нет сцены, нет кулисы. Беседа... О чем я говорила, что читала целинникам?.. Помню только глаза людей и заполняющую мою душу радость, помню свой рассказ о Ермоловой и следующий за ним чей-то вопрос о Маяковском. Странная связь? Нет. Я поняла тогда естественность, закономерность этой связи, единое течение нашего искусства, чья высокая классичность необходима и понятна каждому. Целина, атмосфера большой революционной работы, которая там осуществлялась, вернула меня в юность, в годы гражданской войны, когда в нетопленных клубах пылало, сияло искусство Ермоловой, к редкому счастью актера дать зрителю не просто отдых и развлечение, но — «хлеб», «горючее» жизни.